Н. Н. Журавлёв

Владимир Стрекопытов. Мятежный командир

Долгое время события Гомельского антибольшевистского восстания, известного как «Стрекопытовский мятеж», оставались в числе малоизвестных и неизученных страниц Гражданской войны 1918–1920 гг. Несмотря на то что уже в первые годы советской власти вышел ряд публикаций на основе воспоминаний участников тех драматических событий, за рамками исследования оставались многие факты, связанные с восстанием. О руководителе повстанцев сохранились самые скудные сведения: фамилия, по которой восстание вошло в историографию, и упоминание, что он был бывшим офицером и начхозом. Такие сведения представлены в книге Г. Лелевича «Стрекопытовщина»¹, изданной в 1923 г.

В дальнейшем, словно намеренно, само имя подвергалось искажению. Так, в Большой советской энциклопедии указано: «Возглавил выступление бывший царский прапорщик М. А. Стрекопытов»². Там же дается ссылка на источник сведений: Голиков Д. Л. «Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.)». Как сказано в аннотациях к книгам Давида Львовича Голикова, он являлся юристом, бывшем чекистом, следователем по особо важным делам прокуратуры УССР, РСФСР, СССР. Занимательно, что в указанной книге Голиков, повествуя о Гомельском восстании, сообщил только фамилию ру-

**Журавлёв
Николай Николаевич**
независимый
исследователь
(Москва, Россия)

ководителя выступления — Стрекопытов!³ Так откуда в энциклопедии взялись инициалы «М. А.»? Действительно существовал прапорщик Михаил Алексеевич Стрекопытов 1893 года рождения. Из мещан Тульской губернии, из Тулы. Из его послужного списка известно, что он «окончил Тульское 2-е городское 4-классное училище. Призван на военную службу Тульским УВН 08.09.1915 г. Окончил Оренбургскую школу подготовки прапорщиков и приказом Командующего войсками Казанского Военного Округа № 481 от 19 апреля 1916 г. произведен в прапорщики. Назначен на службу в 137-й пех. зап. батальон»⁴. В 1918 г. принят кандидатом на должность инструктора военного обучения в Тульский губернский комиссариат по военным делам⁵. В состав полков, принимавших участие в Гомельском восстании, не входил. Почему его имя записали в руководители антибольшевистского восстания — неизвестно.

Настоящее имя руководителя Гомельского восстания стало известно благодаря исследователям из Эстонии, обнаружившим следственное дело участников Гомельского восстания на исходе прошлого столетия⁶.

Это имя — Владимир Васильевич Стрекопытов.

Он родился 4 июня 1890 г. (по ст. ст.)⁷. Происходил из мещан Тульской губернии. За время проживания в Туле семья сменила несколько мест жительства. Наконец в 1912 г. ими был куплен у наследников Масловых и Ананьевых большой дом с садом на Арсенальной улице⁸. К сожалению, дом был разрушен в 1970-е гг. во время застройки квартала панельными домами.

Отец, Василий Филиппович Стрекопытов, умер в 1928 г. Мать, Серафима Ивановна Стрекопытова, умерла в 1920 г. Братья — Валериан (12.10.1888 г. р.)⁹, Сергей (1893 г. р.)¹⁰, Лука (1894 г. р.); сестра — Нина (01.11.1887 г. р.)¹¹.

В анкете, оформленной при задержании в НКВД, следователь указал социальное происхождение его семьи: «Отец — фабрикант. Мать — тоже»¹². При упоминании слова «фабрикант» непременно рисуется образ богатого и злобного эксплуататора. На самом деле история богатства его отца не менее занимательна. Ее поведал Александр Сергеевич Фролов (1880–1931) в своей книге «О былом и пережитом. Воспоминания тульского рабочего» (первое издание вышло в Государственном издательстве Украины в 1923 г.). Александр Фролов — рабочий из Тулы, активный участник революционного движения, делегат первой конференции Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в Таммерфорсе (Финляндия) в 1905 г., писатель. За свою жизнь ему довелось быть участником многих интересных событий и встретиться со многими людьми. Одним из них стал Василий Филиппович Стрекопытов, до 1905 г. управляющий крупной старинной скобяной фабрикой Земцова в Туле¹³. Человек он был явно незаурядный. Несмотря на свое положение, посещал митинги рабочих, на которых с речами выступал Фролов. После одного из таких выступлений В. Ф. Стрекопытов помог Фролову скрыться от полиции и некоторое время укрывал его у себя дома. Более того, он попросил принять в «свою партию [РСДРП] моих двух сыновей. Сделайте из них настоящих людей»¹⁴. «Через некоторое время, — вспоминает Фролов, — я обрел приют в доме Стрекопытова и познакомился с двумя сыновьями — Владимиром и Валерьяном, из которых первый стал впоследствии деятельным работником в с.-д.

организации, второй же проработал немного и ушел пессимистом с оттенком андреевского Онуфрия^{15»16}.

Василий Стрекопытов благодаря в том числе статьям Фролова обратил внимание на отставание российских кустарей-производителей скобяных изделий от машинной выработки немецких промышленников. «Он даже съездил в Германию, — отмечает Фролов, — и специально изучил там постановку скобяной промышленности»¹⁷. Он придумывает новый оконный и дверной прибор, как называет его Фролов, и получает патент на свое изобретение. Находит инвестора в лице калужского купца Смирнова и добывает на развитие производства 10 тыс. руб. На эти деньги открывает в Туле производство своего прибора и начинает его продажу сначала «через крупную московскую фирму Красавина»¹⁸, а потом напрямую крупным застройщикам. Выкупает долю купца Смирнова. А после освобождения Фролова из тюрьмы, где последний отбывал семилетний срок за революционную деятельность, приглашает его к себе на производство в качестве управляющего.

К тому времени число занятых на производстве рабочих составляло уже порядка ста человек. «Сознательные», хорошо оплачиваемые рабочие работали сдельно и получали около двух рублей в день. Как свидетельствует Фролов: некий рабочий «Пушкин двенадцать в неделю заработал». На производство «...рабочие положили часы: с семи до шести, два — на обед»¹⁹. Это в то время, когда средняя зарплата рабочего по России составляла 37,50 руб. в месяц, а продолжительность рабочего дня — 10,5 ч. По утверждению Фролова, Стрекопытов полагал, что «новую жизнь рабочим мы (“новые, культурные фабриканты”, по словам Стрекопытова) принесем, а не социалисты, потому что у них нет самого главного: коммерческих знаний»²⁰. Через некоторое время административные и идейные разногласия между Фроловым и Стрекопытовым привели к увольнению первого. В завершение этой занимательной истории Фролов пишет: «Дальнейшему процветанию хозяина (Стрекопытова. — Н. Ж.) помешала война и революция»²¹. В современном понимании это был успешный предприниматель. В формулировке следователя НКВД слово «фабрикант» подчеркивало классовое различие.

Владимир Стрекопытов окончил полный курс Тульского городского 4-классного училища. Уже в молодые годы он был активным участником РСДРП. По собственному утверждению, примыкал к ней с 1903 по 1908 г.²² По настоянию отца Владимир, как и другие братья, зарабатывал себе, по выражению Фролова, «в чужие люди», чтобы не быть «папенькиным сыном»²³. На действительной военной службе не состоял, являлся ратником ополчения с 1911 г. В то время призыву на действительную воинскую службу подлежали мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Русская армия имела постоянный состав порядка одного миллиона двухсот тысяч человек, призыв на действительную службу осуществлялся по жребию. Те, кто избежал призыва, зачислялись в ратники ополчения. Они проходили кратковременное воинское обучение в течение трех месяцев в военных лагерях и находились в воинском запасе.

Из послужного списка Владимира Стрекопытова следует, что он «с началом Великой войны призван по мобилизации из ополчения 17 октября

1914 года и зачислен во 2-й пехотный запасной батальон». Воинская часть находилась в Выборгской губернии, в г. Фридрихсгаме (ныне — Хамина (Hamina), Финляндия), расположенном на берегу Финского залива. Командованием батальона отобран для направления на учебу на специальные 4-месячные курсы в школу подготовки офицеров военного времени. 2 августа 1915 г. он был зачислен во 2-ю Петергофскую школу прапорщиков, находящуюся в окрестностях Петрограда. По окончании курса приказом по 6-й армии от 10 июля 1915 г. произведен в прапорщики и отправлен 13 июля того же года в распоряжение начальника 20-й пехотной запасной бригады²⁴. Высочайшим приказом от 22 марта 1916 г. производство в прапорщики было утверждено.

На основании приказа главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 16 июля 1915 г. за № 1686 прапорщик Стрекопытов был зачислен в состав 276-го пехотного Купянского полка с 13 сентября 1915 г. (приказ по 276-му пехотному Купянскому полку № 36 от 05.02.1916 г.)²⁵. За боевые отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (приказ командующего 10-й армией 1916 г. за № 1032; приказ по 69-й пехотной дивизии № 239 от 10.08.1916 г.)²⁶. Высочайшим приказом, состоявшимся 24 сентября 1916 г., на основании приказа по военному ведомству 1915 г. № 563, ст. 1, произведен из прапорщиков в подпоручики со старшинством с 1 января 1916 г.²⁷ Награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (приказ командующего 10-й армией 1916 г. за № 1861; приказ по 69-й пехотной дивизии № 16 от 14.01.1917 г.)²⁸. Награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами (приказ командующего 10-й армией 1916 г. за № 1901; приказ по 69-й пехотной дивизии № 32 от 01.02.1917 г.)²⁹.

Вместе с Владимиром Стрекопытовым в одном полку служил его брат — Лука³⁰. О нем известно следующее. Начал службу в 39-м Сибирском стрелковом полку, был ранен 29 августа 1915 г. у местечка Густа, стрелок. Холост³¹. Проходил лечение в Царскосельском военном госпитале и комиссией врачей 21 декабря 1915 г. признан годным к военной службе³². После выздоровления ему удалось перевестись в полк, где служил брат Владимир, и быть прикомандированным к полковой канцелярии (по состоянию на 04.04.1916 г. рядовой).

Армейская жизнь Владимира Стрекопытова не отличалась от будней других офицеров военного времени. 21 декабря 1915 г. сводная рота 276-го пехотного Купянского полка приняла участие в высочайшем смотре армии, бывшем у местечка Молодечно³³. Парад частей армии принимал сам Государь Император. В январе-марте 1916 г. полк занимал позиции на реке Березина в Виленской губернии, а с апреля у д. Милейково (Кревской волости). У местечка Крево полк будет занимать позиции до ноября 1917 г. А пока, в начале нового 1916 г., Стрекопытов тяжело заболел и с 4 января по 25 февраля находился в госпитале³⁴. После выздоровления состоял командиром взвода в сводной роте полкового резерва³⁵. Согласно приказу по полку № 110 от 19.04.1916 г. прапорщик Стрекопытов был назначен мл. офицером 7-й роты³⁶. Согласно приказу по полку № 282 от 07.10.1916 г. прапорщик Стрекопытов получил отпуск на 21 день с 5 октября 1916 г.³⁷

В январе 1917 г. началось формирование новых полков и дивизий в составе 10-й армии, на комплектование которых выделялись в том числе солдаты и офицеры действующих полков. На основании приказа командующего 10-й армии № 548 от 3 апреля 1917 г. из состава 276-го пехотного Купянского полка было перемещено 17 офицеров, в том числе подпоручик Стрекопытов Владимир, во вновь формируемый 700-й пехотный Елатомский полк³⁸.

700-й пехотный Елатомский полк вошел в состав 175-й пехотной дивизии 38-го армейского корпуса. Вирус разложения армии, запущенный Февральской революцией, в полной мере отразился и на полках дивизии. В конце июня 1917 г. командир 38-го армейского корпуса донес военному министру Керенскому, «что солдаты полков 175-й и 69-й пех. дивизий грозят дикой расправой своим офицерам, считая их виновниками предполагаемого наступления»³⁹. Тем не менее 175-я пехотная дивизия приняла участие в последней крупной наступательной операции Русской армии на Западном фронте, в так называемом сражении под Крево. В ней 700-й пехотный Елатомский полк пошел в первой линии наступающих частей. Перед общей атакой была проведена самая мощная артиллерийская подготовка наступления Русской армии за все время войны! Начавшееся по приказу ставки наступление 9 июля 1917 г. в первый же день провалилось. Из отчета начальника штаба 175-й пехотной дивизии подполковника Шафаловича о боевых действиях дивизии: «6-го июля. С 2-х часов стали поступать донесения, что в полках идет глухое брожение; солдаты волнуются и высказываются против наступления»⁴⁰. 9 июля в 7 часов полки дивизии после длительной артподготовки бросились в атаку. В 699-м полку не принимали участия в атаке 9, 10, 12-я роты, оставшиеся во время боя в своих окопах. «Между тем, около 9 час. 20 мин. волны 700 и 698 полков подошли к Попелевичскому лесу и здесь встретили незначительное сопротивление противника. Однако вследствие отхода 699 полка и потерь, особенно в командном составе 1) от пулеметного и флангового арт. огня части 700 и 698 полков, не видя за собой поддержки, начали в свою очередь отходить»⁴¹. «Потери дивизии за бой 6–9 июля убитыми и ранеными, контуженными и без вести пропавшими 134 офицера, 3059 солдат и 30 пулеметов»⁴².

На этом печальном фоне Шафалович отмечает многочисленные факты уклонения солдат от боя. Командующий 175-й пехотной дивизии в рапорте от 18 июля 1917 г. приводит такие примеры: «В 700 пех. Елатомском полку 7-го июля 36 человек первой роты отказались идти в наступление. Указанные солдаты немедленно были отправлены в штаб корпуса для предания суду»⁴³. Вместе с тем участниками тех боев были выказаны примеры мужества и храбрости, отмеченные многочисленными наградами. И все же дисциплина в полках продолжала падать, чему свидетельство — телеграмма командира 700-го пехотного Елатомского полка подполковника Пражмовского от 27 сентября 1917 г.: «Пятая рота 87 чел. отказались выйти 25/го сентября на занятия заявив, что довольно уже воевать довольно заниматься мало выдают хлеба увещания не имели успеха. НР 151 за командира 700 пех Елатомского полка подполковник Пражмовский»⁴⁴.

К сожалению, в фондах РГВИА не удалось выявить дополнительные документы о службе Стрекопытова в указанном полку. Известно, что в 1918 г. при мобилизации в Красную армию Стрекопытов отметил свое последнее воинское звание в составе 700-го пехотного Елатомского полка как штабс-капитан⁴⁵.

Примерно в июне 1918 г. Стрекопытов был призван в Красную армию. Это произошло у него на родине в Туле. Он был принят на должность младшего офицера, затем командира роты и батальона. Летом того же года в Тульской губернии шло формирование первых полков Красной армии. Они получили соответствующее название: 1-й и 2-й Тульские Советские пехотные полки. Впоследствии, с введением общей нумерации полков, они получили порядковые номера: 67-й и 68-й стрелковые полки.

Необходимо отметить, что во главе Тульского губернского военного комиссариата в 1918 г. находился Дмитрий Прокофьевич Оськин. Из крестьян Епифанского уезда Тульской губернии, бывший учитель, участник войны в составе 11-го пехотного Псковского полка, за боевые отличия был произведен из нижних чинов в прапорщики; войну закончил, так же как и Стрекопытов, в звании штабс-капитана. Но Оськин сразу после Февральской революции стал активным сторонником революционных преобразований в армии, входил в состав полкового и дивизионного комитетов, вступил в партию левых эсеров, а в 1918 г. перешел в партию большевиков.

О революционной деятельности Стрекопытова в армии неизвестно. В Туле, еще до мобилизации в Красную армию, он в 1918 г. вступил в партию РСДРП (меньшевиков)⁴⁶. Это была одна из самых внушительных партий, пользовавшихся популярностью среди рабочих города. К тому времени политическая деятельность партии еще не была окончательно запрещена, и ее представители входили в состав органов государственного управления. Однако после левоэсеровского мятежа в Москве в июне 1918 г. они были лишены постов и выведены из Советов всех уровней. По утверждению Стрекопытова, он только оформил членский билет партии меньшевиков, но политической деятельностью в 1918 г. в Туле не занимался. Тем не менее у тульских чекистов в конце ноября того же года появились основания для ареста Стрекопытова по обвинению в контрреволюционной агитации⁴⁷. Возможно, арест явился откликом на волну крестьянских восстаний, прокатившихся по Тульской губернии в ноябре 1918 г. В конце декабря Стрекопытов был освобожден и переведен на должность заведующего хозяйством 68-го стрелкового полка. В начале января 1919 г. Тульская бригада в составе 67-го, 68-го стр. полков, а также артиллерийского дивизиона была выведена из Тулы в направлении г. Бобруйска на западной границе России. Позднее к ним присоединился кавалерийский дивизион, сформированный в Москве.

Тульский губвоенком Д. П. Оськин в своих мемуарах «Записки военкома» уделил внимание в том числе и Стрекопытову. Рассказывая о трудностях формирования Тульской бригады, он упоминает такой эпизод: «Вызывает опасение состав штаба бригады, особенно начальник штаба — Доссе, бывший крупный помещик и полковник старой армии. Это опасение особенно усугубилось после прихода Доссе ко мне вместе с командиром 1-го батальона — Стрекопытовым.

Пришли они ко мне по вопросу о дополнительном отпуске запасного оружия, пулеметов и винтовок. Так как запасное оружие по штату не положено, то я им отказал»⁴⁸.

Ввиду эпидемии тифа в Бобруйске Тульская бригада была переведена в Гомель. Только к 15 января 1919 г. этот город оставили части немецкой армии и в нем утвердилось советская власть. В это время бригада испытывала острый недостаток в продовольствии, в некоторые дни нечем было кормить солдат. По поводу обеспечения бригады продуктами и имуществом Стрекопытов обращался в том числе и к руководителям городских служб Гомеля. Однако местные начальники рассматривали Тульскую бригаду как воинскую часть, временно находящуюся на подведомственной им территории, и оказывали ей только минимальную помощь. Знали бы они, чем им это обернется!

Комиссар бригады Ильинский в докладе о состоянии бригады на 15 марта 1919 г. отмечал: «Вся работа наша уходит на то, чтобы успокоить недовольных, не допустить дело до угроз и бунта, и всему виной отсутствие продовольствия и обмундирования»⁴⁹. Помимо указанных причин, в солдатской среде росло возмущение действиями советской власти, такими как реквизиции, произвол властей, разруха, кровопролитие и пр. Несколько человек из командного состава бригады было арестовано и несколько человек расстреляно уже в Гомеле.

В начале марта того же года Тульская бригада выступила на фронт в район г. Овруча для отражения наступления украинской армии Петлюры. После первых неудачных боев солдаты отказались выполнять приказы командования, захватили эшелоны и вернулись в Гомель.

По утверждению Стрекопытова, данному им на следствии в 1940 г., он не принимал участия в организации выступления солдат на фронте. Восстание застало его на станции Калинковичи, куда он прибыл для устройства базы снабжения полков⁵⁰. В местечке Калинковичи Стрекопытов предотвратил погром и разграбление лавок мародерами из числа солдат. Это было 22 марта 1919 г. Тем же вечером он отбыл с эшелонами в сторону Гомеля. Солдаты избрали повстанческий комитет во главе с прапорщиком Криденером и намеревались отправиться на Брянск и далее к себе на родину в Тулу. В. В. Стрекопытов вступил в переговоры с повстанческим комитетом, разговор происходил на площадке вагона в окружении нескольких сотен солдат. Он произнес короткую речь и закончил ее призывом: «Да здравствует Учредительное Собрание!». Солдаты откликнулись на призыв и предложили: «Раз ты взялся, то и веди нас!». Он согласился руководить бригадой с условием полного подчинения. Повстанцы заняли город и в результате осады захватили гостиницу «Савой», которую оборонял отряд защитников советской власти. Было арестовано около 150 человек. На несколько дней Гомель оказался в руках повстанцев. В. В. Стрекопытов был объявлен командующим 1-й армией Народной Республики. Политическое руководство восстанием взял на себя образованный «Полесский Повстанческий Комитет». Были выдвинуты лозунги:

«1. Вся власть Учредительному Собранию.

2. Сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности в зависимости от реальных требований хозяйственной жизни страны.

3. Железные законы об охране труда.
4. Проведение в жизнь гражданских свобод.
5. Земля — народу.
6. Вступление русской республики в лигу народов»⁵¹.

Под напором отрядов Красной армии повстанцы оставили город в ночь на 29 марта. Перед уходом по настоянию матросов, примкнувших к повстанцам, Стрекопытов, по собственному утверждению, дал согласие на расстрел 12 человек (в основном члены ревкома и ЧК). Фактически после занятия города частями Красной армии было обнаружено 14 замученных человек. Позднее в сквере, недалеко от бывшей гостиницы «Савой», было захоронено 25 человек — жертв восстания. В советской историографии это восстание получило название «Стрекопытовский мятеж».

Чтобы иметь представление о его масштабе, отмечу, что Гомель покинули около 6000 повстанцев, в том числе около 200 офицеров⁵². Почти половине из них удалось выйти на территорию, занятую украинской армией. В штабе командующего Северной группой украинских войск атамана Оскилко были достигнуты договоренности о вхождении повстанцев в состав украинской армии в качестве Русско-Тульского отряда. Возможно, одним из благоприятных обстоятельств, способствовавших созданию этого союза, стало то, что атаман Оскилко в период службы в Первую мировую войну был прапорщиком и по июль 1917 г. служил в 77-м пехотном запасном полку в Туле!⁵³ Несколько офицеров из Тульской бригады оказались его сослуживцами. Также туляки установили хорошие отношения с начальником штаба Северной группы войск генералом В. Н. Агапеевым.

Часть туляков в составе 1-го и 2-го пехотных Тульских полков приняла участие в боях с Красной армией под г. Новоградом-Волынском. К середине мая 1919 г. на украинском фронте произошли серьезные перемены. Украинская армия понесла значительные потери под ударами польской и Красной армий и оказалась на грани полного развала; под ее контролем оставалась только незначительная территория на Волыни. К тому же украинское командование стало заменять командный состав в Тульских полках на украинских офицеров. В этих условиях, по заявлению Сергея де Маньяна, участника отряда, «чувствуя уходящую из-под ног почву, руководители туляков решили искать более высоких покровителей»⁵⁴. В. В. Стрекопытов увел Русско-Тульский отряд в расположение польской армии под г. Луцк. В начале перехода был составлен договор с командующим Польско-Волынским фронтом генералом Бабянским. Согласно договоренности оружие отряда должно было оставаться при отряде, но в отдельном вагоне. Однако вскоре поляки изменили свое решение и интернировали состав отряда в Брест-Литовскую крепость.

В конце мая 1919 г. между верховным командованием польской армии и представительством армии генерала Н. Н. Юденича в Польше было подписано соглашение, разрешающее командованию Белых армий пополнять свой состав за счет интернированных русских частей, находящихся в Польше⁵⁵. В следующем месяце в Брест-Литовск прибыл мичман Данилевский⁵⁶ — представитель Западного корпуса⁵⁷ во главе с князем Ливеном из состава Северной армии

(в дальнейшем Северо-Западной армии). По соглашению с Данилевским, подписанному Стрекопытовым, тульскому отряду отводилось место 4-й бригады в составе означенного корпуса. Тремя эшелонами⁵⁸ отряд был отправлен без оружия и снаряжения в Митаву. По пути, в Варшаве, Стрекопытов встретился с председателем Русского комитета генерал-майором Глобачевым.

В Митаве светлейший князь Ливен при поддержке немцев формировал русские части. В. В. Стрекопытов встретился с князем у него на квартире, так как последний был болен после ранения. А. П. Ливен заявил примерно следующее: «Я нашел нужным расформировать Ваш отряд, поэтому требую подчиниться. В противном случае прикажу Вас арестовать и если нужно, то и расстрелять»⁵⁹. «Стрекопытов назначил экстренное совещание командиров отдаленных частей Тульского отряда для изыскания выхода из создавшегося положения»⁶⁰. Решение проблемы пришло в виде приглашения на переговоры со стороны полковника Бермонта⁶¹, также формировавшего русские части в Митаве. После встречи с ним Стрекопытов согласился на вступление Тульского отряда в отряд имени графа Келлера. Так официально именовалось воинское соединение, формируемое под командой полковника Бермонта. Сергей де Маньян вспоминал: «Наше вступление в отряд имени гр. Келлера увеличивало его численный состав чуть ли не вдвое»⁶².

Полковник Бермонт, впоследствии именовавший себя князем Аваловым, имел финансовое и материальное обеспечение с немецкой стороны. Когда английское командование передало ему приказ о переводе его отряда на фронт в Эстонию для поддержки Северо-Западной армии (СЗА) под команду генерала Юденича, то он отказался его исполнить. Англичанам ничего не оставалось, как передать такой приказ непосредственно в штаб Тульского отряда. В. В. Стрекопытов снова отправился к полковнику Бермонту, чтобы урегулировать отъезд Тульского отряда. Туляки сдали полученное новое обмундирование и, облачившись в свои прежние лохмотья, через г. Ригу на пароходе «Саратов» были доставлены в г. Гунгенбург в устье реки Нарва, а затем на баржах в г. Нарву. Ввиду особенностей своего формирования СЗА имела главнокомандующего в лице генерала Юденича и командующего — генерала Родзянко. Возникавшие между ними разногласия отразились и на положении туляков. Поначалу генерал Родзянко обещал тулякам полковую организацию⁶³. Сохранился проект приказа от 29 июля 1919 г., согласно которому с 24 июля 1919 г. в составе армии подлежала формированию воинская часть с наименованием «Тульский отряд»⁶⁴ под командой штабс-капитана Стрекопытова, в составе запасных частей под командой генерала Нефа⁶⁵. Однако приказ о формировании Тульского отряда так и не вступил в силу из-за определенных событий, происшедших на фронте.

В конце июля создалась угроза захвата наступающими частями Красной армии г. Ямбурга. Согласно воспоминаниям генерала Родзянко, по распоряжению главнокомандующего генерала Юденича на оборону Ямбурга был отправлен отряд туляков в 600 человек⁶⁶. При этом сам генерал Родзянко открыто противился обороне города и способствовал его сдаче большевикам. По показаниям Стрекопытова, «ген. Родзянко потребовал от меня 400 чел. на закрытие Ямбургского прорыва. Долго я не соглашался на гибель 400 моих друзей,

но впоследствии согласился, выделив 400 чел. во главе с шт.-кап. Пшибыш»⁶⁷. Этот отряд, получивший название 1-й Тульский пехотный полк, прибыл в Ямбург, когда в нем уже шли бои. К счастью, потери в полку были небольшими. При въезде в Ямбург машины с туляками были обстреляны прорвавшимися в город броневиками Красной армии. Командир Иосиф Пшибыш и несколько человек с ним были ранены, остальные разбежались. 4 августа Ямбург был оставлен Белой армией. Тульский полк продолжал вести бои в окрестностях города по 7 августа⁶⁸. После того как Стрекопытов отправился в Нарву для доклада генералу Юденичу по этому поводу, генерал Родзянко воспользовался ситуацией и распорядился расформировать состав Тульского отряда по разным полкам СЗА.

Этому шагу предшествовало письмо Родзянко к Юденичу от 8 августа 1919 г., т. е. всего через 10 дней после приказа о формировании Тульского отряда: «Секретно! Главнокомандующему Сев.-Зап. фронтом. Приказом войскам Северо-Западной армии от 29-го июля с. г. за № 8, было предписано сформировать из пехоты Тульского отряда — Тульский полк. В настоящее время выяснилось, что формирование этого полка, в особенности под командованием штабс-капитана Стрекопытова и с оставлением в нем офицеров этого отряда, может быть небезопасным, а поэтому прошу разрешения разбить весь отряд по частям и влить его в уже существующие полки». Подпись: «Генерал-майор Родзянко»⁶⁹. По-видимому, генерал Родзянко посчитал за лучшее избавиться от строптивого командира и его сплоченной команды. При этом большое число туляков, включая и Стрекопытова, попали в Георгиевский стрелковый полк (по состоянию на 01.10.1919 г.)⁷⁰.

В. В. Стрекопытов возмущался решением о роспуске его отряда, но к тому времени началась подготовка к решительному наступлению на Петроград, и генерал Юденич предложил ему занять пост в штабе генерала Арсеньева. Но Стрекопытов отказался принять это предложение и прикомандировался к штабу инспектора авиации СЗА, которым командовал бывший член Тульского отряда полковник Степин. «На этой должности я служил до конца разгрома армии Юденича в звании капитана», — так Стрекопытов подытожил свои показания в НКВД⁷¹. Однако Владимир Васильевич Стрекопытов не был точен в указании своего воинского звания. В ряде документальных источников, последовавших после ликвидации СЗА, его звание указывается как полковник. В частности, в отчете Комитета русских эмигрантов в Эстонии за 1 апреля — май 1920 г.⁷² При ликвидации СЗА в январе 1920 г., перед увольнением из армии, многие офицеры были повышены в званиях. К сожалению, соответствующего приказа по СЗА в отношении Стрекопытова пока обнаружить не удалось.

Отличившиеся во время Гомельского восстания офицеры отряда были награждены орденами и повышены в званиях согласно приказу главнокомандующего войсками СЗА (№ 57 от 15.08.1919 г.). Этим же приказом Стрекопытов был произведен в капитаны со старшинством с 25 марта 1919 г.⁷³

28 сентября 1919 г. началось наступление СЗА на Петроград. Северозападники дошли до предместья города, но потерпели тяжелое поражение. Армия отступила на территорию Эстонии, где и была расформирована в феврале

1920 г., после заключения мирного договора между Советской Россией и правительством Эстонии.

В. В. Стрекопытов совместно с подрядчиком М. Ульяновым получил концессию на разработку леса. Им была организована Тульская рабочая артель⁷⁴, куда призывались бывшие чины СЗА. Всего в артель входило свыше тысячи человек. В дальнейшем Стрекопытов получил самостоятельно от Центрального комитета топлива участки леса и расстался с подрядчиком. В июне 1920 г. артель покинули свыше 400 туляков, они отправились в Польшу, где происходило формирование русских частей для продолжения борьбы с большевиками⁷⁵. В. В. Стрекопытов остался в Эстонии руководить артелью. В ноябре 1920 г. к нему в Таллин приехал из Польши представитель Бориса Савинкова Дикгоф-Деренталь. Последний агитировал его приехать в Польшу с оставшимися людьми и возглавить полк имени Учредительного собрания в составе армии генерала Булак-Балаховича. Но к тому времени между Советской Россией и Польшей был заключен мирный договор, а русские антибольшевистские армии в Польше были разгромлены в ноябрьском походе 1920 г.

Одним из серьезных нареканий, встречающихся в публикациях, посвященных положению бывших чинов СЗА в Эстонии, является обвинение Стрекопытова в эксплуатации труда своих бывших товарищей и наживе за их счет. История этого вопроса относится ко времени ликвидации СЗА. Эстонское Учредительное собрание 2 марта 1920 г. утвердило обязательное постановление, согласно которому на принудительные лесные работы, а также на заготовку сланца и торфа подлежали «лица без определенных занятий». Этот закон был прежде всего направлен против бывших северозападников. Именно они стали «добычей» подрядчиков, организовавших многочисленные рабочие артели. Условия работы в них не регламентировались, оплата труда была низкой.

Современники отмечали невыносимые условия жизни и труда рабочих на лесных разработках, сравнивая их с рабским положением. Но вопрос состоит в том, насколько справедливы обобщенные обвинения применительно к Тульской артели? Единственный известный пример приведен в статье бывшего редактора «Вестника Северо-Западной армии» Г. И. Гроссена, опубликованной в 1924 г.: «К стыду некоторых офицеров северо-западной армии нужно сказать, что были и такие, которые сами сделались подрядчиками и, увы, в своих эксплуататорских (так!) наклонностях не уступали эстонским предпринимателям. Образовались так называемые трудовые артели (Стрекопытова, Ветренко и др.). Стрекопытов (командир тульского отряда), по словам его жертв, жал своих рабов не меньше других подрядчиков, — и далее автор обрисовывает положение рабочих. — Рабочие вырабатывали едва ли больше 30 марок на еду, но и эти деньги они не получали в срок. Не мало офицеров было в роли надсмотрщиков, на которых лежала обязанность поддержания дисциплины, т. е. почти жандармские функции, что, конечно, было недостойно офицерского звания»⁷⁶.

Работы на лесных разработках были исключительно тяжелыми, особенно в зимнее время, когда только образовалась Тульская артель. Однако необходимо принимать во внимание, что артель организовывалась при отсутствии денег, жилья, инвентаря, одежды, было много больных. Все указанные причины,

несомненно, влияли на условия быта и работы людей, что нашло отражение в эмоциональной критике Г. И. Гроссена. Деньги на содержание работников Стрекопытов получил авансом от Центрального комитета топлива. Недаром он указывает, что вначале собралось свыше 1000 человек. А в марте у него работали уже 600–700 человек. По-видимому, тяжелые условия труда и быта стали причиной их ухода. При этом исследователи почему-то упускают из виду главную цель создания Стрекопытовым артели. Это — сбор его бывшего рас-сеянного отряда. Я полагаю, в этом он видел свое назначение. Ему доверились в Гомеле люди, он их привел в Эстонию и теперь должен был им помочь.

В пользу этой версии указывает и тот факт, что руководителями отделений в артели стали его бывшие соратники: командир артдивизиона Владимир Бранд⁷⁷ и командир кавдивизиона Сергей Степин⁷⁸. Это были люди, без преувеличения, исключительной честности. Другим показательным свидетельством в пользу указанной версии является записка о положении рабочих на лесных работах от 1 августа 1920 г., составленная членом Комитета русских эмигрантов в Эстонии И. Евсеевым. На этот же документ ссылается Гроссен. Необходимо отметить, что в его статье неверно указаны инициалы Евсеева: «Е. Т.»⁷⁹. Правильные инициалы: И. Т. — Иван Тимофеевич⁸⁰. При этом вызывает вопрос, почему Гроссен не привел в своей работе ряд важных замечаний, сделанных в указанном отчете. В частности, Евсеев отмечает: «Нашлись и предприимчивые начальники частей, которые организовали рабочие артели из своих бывших товарищей и приняли на себя подряды /полковник Стрекопытов, генерал Ветренко/. Обследование положения таких артелей показало, что характерные для частных подрядчиков мотивы в настоящих случаях отсутствовали»⁸¹. Под характерными мотивами, И. Евсеев понимал «извлечение предпринимательской прибыли». В отношении врачебно-санитарной помощи Евсеев также отмечает, что «непосредственно подрядчиками ничего не предпринято (за исключением полковника Стрекопытова) для обеспечения рабочих первоначальной медицинской помощью. В случае тяжелых заболеваний больные отправляются за счет подрядчика или Комитета⁸² [топлива] в ближайшую больницу»⁸³.

Порой встречаются свидетельства двоякого смысла, которые сложно интерпретировать, оставаясь на позициях непредвзятого исследователя. К таким относится публикация в газете «Варшавское слово» от 11 июня 1920 г. Речь идет о статье «Что делают бывшие чины Сев.-Зап. Армии в Эстонии». Судите сами по приведенному тексту статьи:

«Начальники фронтовых частей в большинстве случаев не оставили свои части и делят с солдатами невзгоды и горе. Они образовали артели и отправились в леса на работы. Известный генерал Ветренко, вождь туляков Стрекопытов, выведший большой отряд из г. Гомель, где тульский полк поднял восстание против большевиков, и другие командиры полков — работают, не покладая рук, со своими соратниками.

Охрана труда по отношению к этим артелям отсутствует. Со стороны предпринимателей видна попытка прикрепить рабочих к тем районам, где они работают, что им при настоящем положении в отношении выдачи русским паспортов легко и удастся. Получить русским беженцам право жительства в том или ином городе или селении крайне трудно. Для беженцев существует черта оседлости, их «материальное положение ниже среднего»⁸⁴.

Двойственность восприятия статьи возникает в силу того, что, с одной стороны, здесь отмечены положительные качества командиров, включая Стрекопытова, с другой — содержатся обвинения в закабалении рабочих! То же впечатление оставляют и многие другие статьи из названной газеты. Зинаида Гиппиус, проживавшая в то время в Варшаве, оставила яркое наблюдение об этом издании в своем «Варшавском дневнике»: «Единственная русская газета в Варшаве была “Варшавское слово”. Мы уже в Минске знали, что ее называют “поганкой”. Заведовала ею темная личность, какой-то еврей Горвиц, газета большевичнила вовсю. Мы не могли понять, как ее не пристукнут, но Горвиц, оказывается, служил правой партии, или вроде — “страже крессовой”, ею был и субсидируем»⁸⁵. Это замечание современника лучшим образом характеризует названную газету и содержание статей в ней.

О врачебно-санитарной помощи артельщикам есть свидетельства Стрекопытова. Из его показаний следует, что в Нарве он организовал карантин для выздоравливающих, так как в то время бывших северозападников поразил тиф. Кроме того, он сообщает: «...у артели завелись кой какие деньги из которых пришлось помогать выздоравливающим и потерявшим трудоспособность»⁸⁶. Есть также показания самих участников одной из бригад Тульской артели, работавших на ст. Кильцы в мае 1920 г. Это письмо рабочих, опубликованное в газете «Свобода России» (Ревель) от 13 мая 1920 г. Текст этого заявления настолько заслуживает внимания, что позволим себе привести его полностью.

«Письмо в редакцию.

Милостивый Государь,
Господин Редактор.

В одном из последних заседаний Комитета Русских Эмигрантов бывший юрисконсульт Ликвидационной Комиссии полковник Агапов позволил себе крайне резко выразиться о бывших офицерах Сев-Зап. Армии, служащих десятниками в лесных артелях. По его мнению, их роль сводится к жандармскому надзору за рабочими и является позорной для офицера.

Мы — бывшие солдаты и офицеры Сев.-Зап. Армии — работающие на лесных заготовках, считаем, своим нравственным долгом выступить с протестом против подобного, ни в чем не основанного обвинения наших старших товарищей, разделяющих нашу тяжелую жизнь на чужбине и помогающих нам в трудные минуты.

Наши офицеры не бросили нас, не скрылись с “фунтами”, как сделали это те, которым удалось получить лакомые куски от ликвидационного пирога из Комиссии, деятельность которой в значительной степени определялась юридическим чутьем господина Агапова.

Наши десятники, как и рабочие не получили ни одной копейки из Ликвидилловки.

Роль офицера-десятника сводится не к жандармскому надзору, а к отстаиванию интересов рабочих перед местной администрацией, заботе о их нуждах и защите от эксплуатации подрядчиков.

Именно влиянию десятников обязаны мы улучшением условий жизни — как в отношении помещения, пищи и т. п. — так и в повышении заработной платы.

Мало того, — были дни, когда мы, вследствие задержки отпуска продуктов и отсутствия денег, — довольствовались исключительно на личные средства десятников.

Советуем г. Агапову быть впредь осторожней в отзывах о людях, судить которых он не имеет ни оснований, ни права.

Рабочие на лесных заготовках района ст. Кильцы.

Оригинал письма, подписанный 35-ю лицами, находится в редакции газеты»⁸⁷.

Текст письма передает чувство сплоченности между людьми в Тульской артели. Это были особые отношения, закаленные невзгодами и сражениями на долгом пути от Гомеля до эстонских лесов. Там, на лесных разработках, они оказались предоставленными своей судьбе. Они были вынуждены выживать без денег, без инвентаря, без жилья. В приведенном заявлении рабочие указывают, что они не получили деньги из Ликвидационной комиссии, занимавшейся выплатами бывшим северозападникам. Многочисленные обращения Стрекопытова об оказании помощи (к графу Палену как главе Комиссии, а также к ее членам: генералу Краснову и генералу Гоерцу) остались без ответа. В марте 1921 г. Тульская артель была закрыта. В свете представленных документальных свидетельств можно высказать предположение, что Стрекопытов являлся, по крайней мере, одним из немногих офицеров СЗА, кто действительно проявлял заботу о своих бывших сослуживцах.

Когда, по словам того же Гроссена, «лишенные всякой помощи, казалось, оставленные людьми и Богом, русские солдаты потеряли веру не только в союзников, но и в свое начальство»⁸⁸. К сожалению, имеется немало современных исследований, в которых продолжена традиция причисления Стрекопытова к числу эксплуататоров-подрядчиков. Полагаю, что приведенные дополнительные сведения внесут ясность в данный вопрос.

Есть еще одно обвинение, затрагивающее честь и имя Владимира Стрекопытова. Оно было высказано современником Стрекопытова — писателем Г. Кирдецовым. В 1921 г. в Берлине вышла его книга «У ворот Петрограда (1919–1920)». Можно было бы оставить и без внимания приведенные там выпад в отношении Тульского отряда и Стрекопытова лично, но эта книга, посвященная истории Гражданской войны на Северо-Западе России, и поныне остается важным свидетельством тех событий. В ней автор оставил штрихи к пониманию характера Стрекопытова и личное впечатление о нем: «Ко мне в редакцию газеты “Свободы России” часто заходил, наезжая с фронта, командир этой дивизии [Тульский отряд] полковник Стрекопытов, еще относительно молодой человек лет (35–40 лет), на вид энергичный, уравновешенный и наблюдательный»⁸⁹. И тут же Кирдецов пытается очернить имя Стрекопытова, представляя его чуть ли не грабителем, захватившим во время Гомельского восстания 75 млн руб. Об этом у них состоялся разговор.

«Стрекопытов не смутился и ответил:

— Во первых, не 75 миллионов, а половину того; во-вторых, я их не “захватил”, нельзя же было оставлять деньги большевикам.

**Владимир Васильевич
Стрекопытов. 1921 г.**

**Источник: Таллинский
городской архив. Ф. 186. Оп. 1.
Д. 546**

- А что стало с этой половиной?
- Помилуйте, надо же было людей содержать в течение целого ряда месяцев нашего скитальчества.
- Есть у Вас какая отчетность?
- По совести говоря — мало, растащили...
- И подумайте: этим “духовным” вожакам тульской дивизии через месяц-полтора было поручено спасать Россию!»⁹⁰

В показаниях, данных на следствии в НКВД, Стрекопытов упоминает историю с вывозом денег из гомельского Госбанка. После того как повстанцы покинули Гомель и оказались зажатыми частями Красной армии, они оставили эшелоны и совершили марш к переправе через Припять у местечка Юревичи. Во время ночного перехода примкнувшие к повстанцам матросы похитили несколько мешков с деньгами и скрылись. Часовые передали Стрекопытову один мешок с деньгами, который им удалось сохранить⁹¹. Упомянув историю с деньгами, командир кавдивизиона Сергей де Маньян отмечает: «Правда, крошечная часть этих денег уцелела, но она была слишком незначительна, чтобы удовлетворить нужды всего отряда, а потому ее возили в денежном ящике, как печальный укор потерянного счастья»⁹². Полагаю, что причину компрометации Стрекопытова со стороны Кирдецова следует искать в фактах биографии самого автора. С 1921 г. он стал активистом «сменовеховского» движения, пропагандировавшего в эмигрантской среде признание СССР, а с 1923 г. — заведующим отделом печати посольства СССР в Германии и позже уехал в Советскую Россию.

Об общественной и политической деятельности Стрекопытова в период проживания в Эстонии известно немного. По свидетельству некоего Шапиро, он видел 15 мая 1921 г. на улице г. Юрьева (ныне — Тарту, Эстония) гуляющих вместе Стрекопытова и Булак-Балаховича. Как раз в это время генерал Булак-Балахович пытался организовать свои отряды в Срединной Литве. Также, по словам Шапиро, Стрекопытова видели в Латвии⁹³.

Имеются свидетельства, что Стрекопытов являлся членом так называемого Русского клуба, также известного как таллиннское Русское общественное собрание⁹⁴. Эта общественная организация, согласно исследованиям эстонских историков С. Г. Исакова, Т. Шор, В. А. Бойкова, Р. Абисогомяна и др., являлась монархическим объединением эмигрантов. Учитывая прошлую деятельность Стрекопытова, едва ли можно допустить его политическое перерождение в приверженца монархизма. По-видимому, в этой организации его привлекло наличие активной части русской военной эмиграции в Эстонии. Тем не менее, согласно сведениям Р. Абисогомяна, имя Стрекопытова вошло в список из 23 наиболее видных русских монархистов в Эстонии, составленный эстонской полицией на основе тайных донесений к 26 января 1923 г.⁹⁵ Такое свидетельство, скорее всего, отражает не его идеологическую позицию, а руководящее участие в конспиративных организациях. Остается только гадать, чем Стрекопытов заслужил столь высокую оценку у эстонской полиции.

Короткое время Стрекопытов входил в состав Таллиннского отделения Союза взаимопомощи чинов бывшей СЗА и русских эмигрантов в Эстонии.

Основная цель Союза заключалась в сохранении военных кадров русской эмиграции на случай войны с Советской Россией, второстепенная задача сводилась к благотворительной деятельности. Из-за борьбы за главенство влияния в среде русской эмиграции в Эстонии, а также борьбы различных групп Союз погряз в склоках и взаимных претензиях. Организация действовала с ноября 1930 г. до дня своего роспуска постановлением министра внутренних дел Эстонии 14 сентября 1936 г. На 1936 г. в ней состояло свыше тысячи членов. Основной проблемой организации являлось отсутствие денег для выполнения декларируемых целей. На собрании Союза, состоявшемся 3 марта 1935 г., Стрекопытов был в числе трех представителей Таллиннского отделения. В своем выступлении он резко критиковал работу правления, за что был лишен голоса. А после того как было отклонено предложение таллиннской группы о реформировании Союза, последние покинули съезд⁹⁶. Стрекопытов, по собственному утверждению, хотел создать кооператив или чайную, где бы бездомные бывшие северозападники могли найти отдых. Но эти планы не нашли поддержки в правлении, и он покинул его⁹⁷.

В 1929 г. он открыл в Таллине скорняжную мастерскую, где собственным трудом зарабатывал себе на жизнь. Этому ремеслу его научил один из бывших солдат отряда⁹⁸.

Там же, в Эстонии, Стрекопытов женился на Валентине Станиславовне Питкевич. Согласно данным Нансеновского паспорта, она родилась 27 октября 1890 г. В 1918 г. переехала из Петрограда в Эстонию⁹⁹. Согласно сведениям, указанным в деле Прокуратуры СССР от 1956 г., дата ее рождения — 1889 г., место рождения — г. Шлиссельбург¹⁰⁰. По образованию — учительница. Они познакомились в 1922 г. и зарегистрировали брак 25 августа 1928 г.¹⁰¹ Известно, что в 1940 г. семья проживала в Таллине по адресу: ул. Уус, д. 9, кв. 4. Детей не было. Валентину Станиславовну арестовали 25 марта 1949 г. как жену «врага народа». На основании постановления Особого совещания при МГБ СССР от 08.10.1949 г. она была сослана на спецпоселение в Красноярский край, село Даурское. Через шесть лет решением Прокуратуры СССР ей было разрешено вернуться в Таллин, где ее приняла младшая сестра.

Братья Владимира Стрекопытова — Валериан и Лука — также служили в Тульской бригаде. При этом Лука был арестован латышскими властями в Риге при отправке Тульского отряда в Эстонию. Владимир Стрекопытов добивался его освобождения через посредничество генерал-квартирмейстера Малявина¹⁰². Валериан был арестован эстонскими властями 11 апреля 1922 г. и приговорен к штрафу в 3000 эстонских марок или отбытию тюремного заключения сроком на один месяц за незаконное прибытие на территорию Эстонии¹⁰³. Ввиду отсутствия денег и невозможности оплаты штрафа последний предпочел заключение. 8 января 1924 г. Валериан умер от туберкулеза легких в г. Юрьеве¹⁰⁴. Лука вернулся в Советскую Россию и работал в одном из кооперативов в Туле (по состоянию на 1928 г.)¹⁰⁵. В дальнейшем был арестован и осужден по статье 58-1а, сослан на Урал, участник Великой Отечественной войны с 1943 г., красноармеец (запасной полк)¹⁰⁶. Брат Сергей занимался кузнечными промыслами в Туле (по состоянию на 1929 г.)¹⁰⁷. Сестра Нина в 1906 г.

**Владимир Васильевич
Стрекопытов. 1938 г.
Источник: ГАЭ. Ф. 129 SM.
Оп. 1. Д. 5254 78. Л. 46**

вышла замуж за болгарина, приняла болгарское подданство и фамилию мужа — Бояджиева и выехала к мужу в Софию. В апреле 1913 г. она вернулась к родителям в Тулу и работала конторщицей на предприятии отца. В Первую мировую войну она оставалась в Туле¹⁰⁸; в 1940 г. проживала в Болгарии в Софии¹⁰⁹.

После объединения Эстонии с СССР В. В. Стрекопытов был арестован НКВД 17 октября 1940 г. Он проходил по одному делу с другими участниками Гомельского восстания: В. С. Утехиным, В. А. Белугиным, В. А. Жилиным. Решением трибунала войск НКВД Прибалтийского ВО от 10 февраля 1941 г. все четверо были приговорены к высшей мере наказания по статье 58, п. 2, 11, 13, и расстреляны 5 апреля 1941 г.

Во время немецкой оккупации, в мае 1942 г., тела Владимира Стрекопытова и других лиц, проходивших с ним по одному обвинению, были обнаружены среди 23 тел жертв НКВД, захороненных в Пирита-Козе, пригороде Таллина¹¹⁰. Его установили по сохранившемуся листу судебного постановления. На месте массового захоронения 20 августа 2019 г. была установлена мемориальная доска в память о жертвах политических репрессий. «Мы чтим память погибших и не забываем, что свобода и мир не само собой разумеющиеся блага, а всегда только результат нашего выбора. Правда всегда торжествует», — на эстонском и английском языках написано на мемориальной доске.

¹ Лелевич Г. Стрекопытовщина: Страничка из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны. 2-е изд. М.; Пг., 1923.

² Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1976. Т. 24, кн. 1. С. 560.

³ Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975. С. 419–423.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. п/с 202–234.

⁵ Мобилизационный отдел // Коммунар (Тула). 1918. 2 окт. (№ 74).

⁶ Автор ознакомился с материалами этого дела благодаря помощи докторанта Тартуского университета Рейго Розенталя, в чем свидетельствую ему искреннюю благодарность. Также выражаю признательность тульскому краеведу Г. А. Зайцеву за предоставленные сведения по тульской истории.

⁷ Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 93. Оп. 1. Д. 133. Л. 121 об., 122.

⁸ ГАТО. Ф. 2711-Р. Оп. 2. Д. 31. Л. 127–129.

⁹ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 133. Л. 39 об., 40.

¹⁰ Фролов А. С. О былом и пережитом. Воспоминания тульского рабочего. Тула, 1990. С. 260.

- ¹¹ ГАТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 124. Л. 134 об., 135.
- ¹² Государственный архив Эстонии (далее — ГАЭ). Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 8 об.
- ¹³ *Фролов А. С.* О былом и пережитом. С. 177.
- ¹⁴ Там же. С. 180.
- ¹⁵ Персонаж пьесы Леонида Андреева «Gaudeamus». Образ «вечного студента».
- ¹⁶ *Фролов А. С.* О былом и пережитом. С. 180.
- ¹⁷ Там же. С. 248.
- ¹⁸ Торгово-промышленное товарищество «Василий Осипович Красавин с Братьями».
- ¹⁹ *Фролов А. С.* О былом и пережитом. С. 252.
- ²⁰ Там же. С. 260.
- ²¹ Там же. С. 256.
- ²² ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 8.
- ²³ *Фролов А. С.* О былом и пережитом. С. 252.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 182948. п/с 229–907.
- ²⁵ Там же. Ф. 2887. Оп. 1. Д. 28. Л. 87.
- ²⁶ Там же. Ф. 2399. Оп. 1. Д. 268. Л. 117 об.
- ²⁷ Там же. Л. 202 об.
- ²⁸ Там же. Д. 295. Л. 20 об.
- ²⁹ Там же. Л. 43 об.
- ³⁰ Там же. Ф. 2887. Оп. 1. Д. 28. Л. 264.
- ³¹ Там же. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 794. Л. 643 об., 644.
- ³² Центр хранения страхового фонда (г. Ялуторовск, Тюменская обл.). Картотека «Бюро по учету потерь на фронтах Первой мировой войны 1914–1918 гг.». Ящ. 3233-С.
- ³³ РГВИА. Ф. 2399. Оп. 1. Д. 350. Л. 135.
- ³⁴ Там же. Ф. 2887. Оп. 1. Д. 28. Л. 143.
- ³⁵ Там же. Л. 171.
- ³⁶ Там же. Л. 299 об.
- ³⁷ Там же. Л. 800.
- ³⁸ Там же. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 42. Л. 69.
- ³⁹ Там же. Ф. 2475. Оп. 1. Д. 50. Л. 173.
- ⁴⁰ Там же. Д. 6. Л. 23.
- ⁴¹ Там же. Л. 24.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Д. 50. Л. 367.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 2003. Оп. 4. Д. 13. Л. 55.
- ⁴⁵ Мобилизационный отдел // Коммунар (Тула). 1918. 19 сент. (№ 64).
- ⁴⁶ ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 38.
- ⁴⁷ Там же. Л. 48.
- ⁴⁸ *Оськин Д. П.* Записки военкома. М., 1931. С. 135, 136.
- ⁴⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84 Д. 17. Л. 44.
- ⁵⁰ ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 48.
- ⁵¹ *Лелевич Г.* Стрекопытовщина... С. 35–36.
- ⁵² ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 19.
- ⁵³ Общее собрание Тульского Украинского войскового клуба // Свободная мысль (Тула). 1917. 27 июня. С. 4.
- ⁵⁴ *Де-М. [Маньян С. де].* У атамана Петлюры // За свободу! (Варшава). 1924. 25 авг. (№ 227).
- ⁵⁵ *Juzwenko A.* Polska a «biała» Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.). Wrocław, 1973. S. 190–192.
- ⁵⁶ ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 52. В показаниях В. В. Стрекопытова фамилия представителя отряда светлейшего князя Ливена указана неверно: Данилин. Правильно: мичман Степан Иванович Данилевский (1893–1974). С 6 августа 1919 г. в составе Военной миссии в Варшаве.

⁵⁷ Корпус Северной армии в составе отрядов под командой светлейшего князя Ливена, полковника Бермонта и полковника Вырголича в Латвии. Во главе корпуса — светлейший князь Ливен.

⁵⁸ ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 52 об.

⁵⁹ Там же. Л. 38.

⁶⁰ *Де-М. [Маньян С. де]*. Из воспоминаний. IV. У Бермонта // За свободу! (Варшава). 1924. 3 сент. (№ 237). С. 3.

⁶¹ Бермонт Павел Рафаилович (Бермондт, князь Авалов; 1877–1974) — генерал-майор (1919). Представитель прогерманской стороны в Белом движении в Прибалтике.

⁶² *Де-М. [Маньян С. де]*. Из воспоминаний. IV. У Бермонта // За свободу! (Варшава). 1924. 4 сент. № 237. С. 3.

⁶³ Архив Дома русского зарубежья (ДРЗ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 43. Л. 10, 17.

⁶⁴ Установить количественный состав Тульского отряда оказалось довольно сложным делом. Согласно показаниям Стрекопытова, он «прибыл 25 июля [в Нарву] в количестве около 3000 солдат, из них человек 100 офицеров» (ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 54). В газете «Варшавское слово» от 17 июня 1920 г. вышла статья об истории Тульского отряда, в которой, основываясь на рассказе полковника Степина, ближайшего помощника Стрекопытова, численность тульского отряда, прибывшего к светлейшему князю Ливену, указана около 3000. Согласно отчету Военной миссии в Варшаве, под командой ротмистра Гоштофта в июне 1919 г. в СЗА был отправлен Тульский отряд в количестве 2345 человек (Hoover Institution of War, Revolution and Peace. Yudenich Collection, 1919–1921. Box 5. File 23. Page 111). Согласно сведениям польской стороны, в конце июня 1919 г. из Польши через Литву была отправлена так называемая Тульская дивизия в количестве 2500 человек (*Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924: z dziejów militarno-politycznych wojny polsko-radzieckiej*. Wydawn Adam Marszałek. Toruń, 1991. S. 57). Возникает вопрос, почему происходит такое расхождение в данных?

Первоначально Тульский отряд был зачислен в отряд светлейшего князя Ливена, но через две недели был исключен из его состава. При этом около 200 туляков остались в Стрелковом дивизионе Ливенского отряда (Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 5. Л. 31). Согласно проекту приказа по СЗА, с 24.07.1919 г. в ее состав был принят Тульский отряд в количестве 74 офицеров, 11 военных чиновников и 1800 солдат. Всего 1885 человек (Hoover Institution of War, Revolution and Peace. Yudenich Collection, 1919–1921. Box 12. File 63. Folder 15. Page 210). Включая группу туляков, оставшихся в Ливенском отряде, общая численность туляков, прибывших в СЗА, определяется в 2085 человек. Этот показатель идеально совпадает со сведениями ведомства генерала Щербачева (военный представитель русских армий при союзных правительствах в Париже), согласно которым из Варшавы в СЗА убыл Тульский отряд в 2100 человек (*Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России, 1918–1920 гг. СПб., 1999. С. 324–325).

Полагаю, что из Польши отряд выехал в количестве 2500 человек. Однако в Митаве часть туляков осталась в составе отряда светлейшего князя Ливена и отряда им. графа Келлера (отряд Бермонта). Также, как следует из мемуаров члена Тульского отряда Михаила Дьякова (*Дьяков М.* Мы не хотели стрелять в своих // Тульский краеведческий альманах. 2014. № 11. С. 170), некоторые из них могли вступить в отряд полковника Вырголича в Митаве. Поэтому в СЗА прибыло только 1885 человек в составе Тульского отряда.

⁶⁵ Hoover Institution of War, Revolution and Peace. Yudenich Collection, 1919–1921. Box 12. File 63. Folder 15. Page 210. Выражаю признательность А. В. Ганину за предоставленный документ.

⁶⁶ *Родзянко А.* Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / сост. С. В. Волков. М., 2003. С. 262, 263.

⁶⁷ ГАЭ. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 5254. Л. 54 об.

⁶⁸ *Розенталь Р.* Северо-Западная Армия. Хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 288, 290, 336.

⁶⁹ *Дьяков М.* Мы не хотели стрелять в своих // Тульский краеведческий альманах. 2015. № 12. С. 204.

- ⁷⁰ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф.40298. Оп.1. Д.67. Л.328.
- ⁷¹ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254 Л.24.
- ⁷² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р-5809. Оп.1. Д.68. Л.7.
- ⁷³ РГВА. Ф.40298. Оп.1. Д.34. Л.28.
- ⁷⁴ [Объявление] // Свобода России (Ревель). 1920. 13 февр. (№ 36). С.4; [Объявление] // Там же. 15 февр. (№ 38). С.4; [Объявление] // Там же. 11 мая. (№ 104). С.3.
- ⁷⁵ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254 Л.55 об.
- ⁷⁶ *Нео-Сильвестр* [Гроссен Г.И.]. Агония северо-западной армии: (Из тяжелых воспоминаний) // Историк и современник: Историко-литературный сборник. [Т.]5. Берлин, 1924. С.156.
- ⁷⁷ См.: *Журавлев Н.Н.* Владимир Бранд. Последний рыцарь России // Военная история России XIX–XX веков: материалы IX Междунар. воен.-ист. конф., Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2016 г. СПб., 2016. С.309–322.
- ⁷⁸ Степин Сергей Петрович (1888–1937) — полковник в составе СЗА (1919), командир Тульского драгунского полка в составе Русской народной добровольческой армии в Польше (1920).
- ⁷⁹ *Нео-Сильвестр* [Гроссен Г.И.]. Агония северо-западной армии... С.154.
- ⁸⁰ *Зирин С.Г.* Голгофа Северо-Западной Армии. 1919–1920 гг. СПб., 2011. С.142.
- ⁸¹ ГА РФ. Ф.Р-5809. Оп.1. Д.68. Л.7.
- ⁸² Центральный комитет топлива.
- ⁸³ ГА РФ. Ф.Р-5809. Оп.1. Д.68. Л.10.
- ⁸⁴ Что делают бывшие чины Сев.-Зап. армии в Эстонии // Варшавское слово. 1920. 11 июня (№ 128). С.2.
- ⁸⁵ *Гиппиус З.Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С.270.
- ⁸⁶ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254 Л.55, 55 об.
- ⁸⁷ Письмо в редакцию // Свобода России (Ревель). 1920. 13 мая (№ 106). С.4.
- ⁸⁸ *Нео-Сильвестр* [Гроссен Г.И.]. Агония северо-западной армии... С.139.
- ⁸⁹ *Кирдецов Г.* У ворот Петрограда (1919–1920). Берлин, 1921. С.292.
- ⁹⁰ Там же. С.292.
- ⁹¹ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254. Л.50, 51.
- ⁹² *Де М.* [Маньян С.де]. У атамана Петлюры.
- ⁹³ Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф.52. Оп.1. Д.44. Л.34.
- ⁹⁴ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254. Л.137.
- ⁹⁵ *Абисогомян Р.* Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: дис. ... magister artium. Тарту, 2007. С.24.
- ⁹⁶ Там же. С.93–96.
- ⁹⁷ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254. Л.50 об.
- ⁹⁸ Там же. Л.29.
- ⁹⁹ ГАЭ. Ф.1. Оп.1. Д.5951.
- ¹⁰⁰ ГА РФ. Ф.Р8131. Оп.31. Д.63086. Л.7.
- ¹⁰¹ ГАЭ. Ф.1. Оп.1. Д.5951.
- ¹⁰² *Дьяков М.* Мы не хотели стрелять в своих. С.203.
- ¹⁰³ ГАЭ. Ф.1868. Оп.1. Д.2071.
- ¹⁰⁴ [Объявление] // Последние известия (Ревель). 1924. 10 янв. (№ 7). С.4.
- ¹⁰⁵ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254. Л.9.
- ¹⁰⁶ Центральный архив Министерства обороны. Ф.8592. Оп.453545. Д.4. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 20.09.2020).
- ¹⁰⁷ ГАТО. Ф.Р-1905. Оп.5. Д.41.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф.90. Оп.2. Д.108. Л.1. В данном деле отчество Бояджиевой Нины указано неверно: Александровна. Правильно — Васильевна.
- ¹⁰⁹ ГАЭ. Ф.129 SM. Оп.1. Д.5254. Л.9.

¹¹⁰ Раскрыты 23 жертвы террора // *Eesti Sõna* (Таллин). 1942. 22 мая (№ 116). С. 1. Экземпляр газеты хранится в Национальной библиотеке Эстонии.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2020 г.
Рекомендована в печать 17 февраля 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Журавлёв Н. Н. Владимир Стрекопытов. Мятежный командир // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 2. С. 370–391. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.205>
УДК 94(47).084

Аннотация: Статья посвящена истории жизни и деятельности участника Белого движения Владимира Васильевича Стрекопытова, возглавившего в марте 1919 г. антибольшевистское восстание воинских частей Красной армии в Гомеле. Долгое время восстание, известное как Стрекопытовский мятеж, оставалось в числе малознакомых и неизученных событий Гражданской войны. Несмотря на то что уже в первые годы советской власти вышел ряд публикаций на основе воспоминаний его участников, за рамками исследования оставались многие факты. О руководителе повстанцев сохранились самые скудные сведения: фамилия, по которой восстание вошло в историографию, и упоминание, что он был бывшим офицером и начхозом. Настоящее имя руководителя Гомельского восстания стало известно благодаря исследователям из Эстонии. В истории Гражданской войны Тульский отряд, возглавляемый Стрекопытовым, совершил беспрецедентный переход из Красной армии в Белую армию. Он проделал путь из Гомеля через Украину, Польшу, Прибалтику и влился в состав Северо-Западной армии под командованием генерала Н. Н. Юденича. После ее расформирования в феврале 1920 г. Стрекопытов возглавил Тульскую рабочую артель в Эстонии, в которую собрал бывших чинов своего отряда, также занимался общественной деятельностью. После объединения Эстонии с СССР Владимир Стрекопытов был арестован НКВД в 1940 г. и по приговору суда расстрелян в апреле 1941 г.

Ключевые слова: Стрекопытов Владимир, Стрекопытовский мятеж, Гомельское восстание, Русско-Тульский отряд, Северо-Западная армия.

Сведения об авторе: Журавлёв Н. Н. — независимый исследователь (Москва, Россия);
mgn256@yandex.ru

Россия, 107045, Москва, Даев пер., 20

FOR CITATION

Zhuravlev N. N. 'Vladimir Strekopytov. The Rebel Commander', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 2, 2021, pp. 370–391. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.205> (In Russian)

Abstract: The article explores the life and work of one participant in the White movement, Vladimir Strekopytov. Born in Tula and a staff captain in World War I, in March 1919 Strekopytov led the anti-Bolshevik uprising of the Red Army in Gomel. For a long time, the events of the Gomel anti-Bolshevik uprising, known as the "Strekopytovsky rebellion", remained a little-known and unexplored event of the Civil War. Despite the fact that, in the first years of Soviet power, a number of publications based on recollections of participants in those dramatic events had come out, many facts related to the uprising remained outside the scope of study. The scantiest information has been preserved about the leader of the insurgents: the name by which the uprising entered historiography, and the mention that he was a former officer. The real name of the leader of the Gomel uprising became known thanks to researchers from Estonia, who opened an investigation into participants of the Gomel uprising at the end of the last century. In the history of Russian Civil War, the Tula detachment that he led made an unprecedented defection from the Red Army to the White Army. He made his way from Gomel, through Ukraine, Poland, and the Baltic states and joined the North-Western Army under General Yudenitch. After the disbandment of the

North-Western Army in February 1920, he headed the Tula workers' artel in Estonia, in which he gathered former members of his detachment. Vladimir Strekopytov lived in exile in Estonia and was engaged in social activities. After the unification of Estonia with the USSR, he was arrested by the NKVD in 1940 and executed in April 1941.

Keywords: Strekopytov Vladimir Vasilyevich, Strekopytovsky rebellion, Gomel uprising (1919), the Russian-Tula detachment, North-Western Army.

Author: Zhuravlev N. N. — Independent Researcher (Moscow, Russia); mgn256@yandex.ru

20, Daev per., Moscow, 107045, Russia

References:

- Abisogomyan R. *The role of Russian military figures in the social and cultural life of the Republic of Estonia in the 1920s and 1930s and their literary heritage* [MA Dissertation] (Tartu, 2007). (In Russian)
- Diakov M. 'We did not want to shoot our own', *Tul'skiy kraevedcheskiy almanakh*, no. 11, 2014. (In Russian)
- Diakov M. 'We did not want to shoot our own', *Tul'skiy kraevedcheskiy almanakh*, no. 12, 2015. (In Russian)
- Frolov A. S. *About the past and the experience. Memories of the Tula worker* (Tula, 1990). (In Russian)
- Gippius Z. N. *Dmitry Merezhkovsky* (Paris, 1951). (In Russian)
- Golinkov D. L. *The collapse of the anti-Soviet underground (1917–1925)* (Moscow, 1923). (In Russian)
- Juzwenko A. *Polska a „biała” Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.)* (Wrocław, 1973).
- Karpus Z. *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924: z dziejów militarno-politycznych wojny polsko-radzieckiej*. Wydawn Adam Marszałek (Torun, 1991).
- Kirdeзов G. *At the gates of Petrograd* (Berlin, 1921). (In Russian)
- Lelevich G. *Strekopytovshina. Page from the history of counter-revolutionary actions during the civil war* (Moscow, 1923). (In Russian)
- Oskin D. P. *Military Commissar's notes* (Moscow, 1931). (In Russian)
- Rodzianko A. 'Memoirs of the North-Western army', in *Belaia bor'ba na Severo-Zapade Rossii* (Moscow, 2003). (In Russian)
- Rosenthal R. *Loodearmee* (Tallinn, 2012). (Rus.Ed.)
- Smolin A. V. *The white movement in North-West Russia, 1918–1920* (St. Petersburg, 1999). (In Russian)
- Zhuravlev N. N. 'Vladimir Brand. The last knight of Russia', in *Voennaia istoriia Rossii XIX–XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoy Voенno-Istoricheskoy konferencii* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Zirin S. G. *Calvary of the northwestern army. 1919–1920* (St. Petersburg, 2011). (In Russian)

Received: September 12, 2020

Accepted: February 17, 2021